

— **ТАЛАНТ**, работоспособность и... случай — вот «три кита», которые определяют успех киноактера. Эти слова нередко приходится слышать в актерской среде. Как вы, Евгений Павлович, относитесь к ним?

— В общем я их разделяю и применительно к театру. Что же касается случая, то об этом стоит поговорить особо... Я не раз наблюдал такую картину: кончает молодой человек студию, приходит в театр; ну, думает, теперь я покажу, на что способен! Только бы заметили, только бы не затерли молодой талант! А потом начинаются будни — ежедневная, порой мучительная работа, репетиции, шлифовка роли. Почти наверняка маленькой роли, проходной. И никакого шанса на «счастливый случай». Актер хандрит, нервничает, теряет веру в свои силы. Может, он и знает, но не понимает до конца, что путь к настоящему творчеству лежит через долгий труд. Осмысленный труд, упорный.

Лично у меня все началось с малого и в театре, и в кино. Я шел постепенно, по «ступеньке» одолевая тяжелый подъем. Это не значит, что я не играл больших ролей, но до большого подняться не мог. Вроде были и смех в зале, и аплодисменты, и поздравления друзей. В общем успех. На его щедрых волнах я «поплыл» дальше...

— Вероятно, в ту пору у вас не было оснований жаловаться на свою судьбу?

— Да, вы правы. Очень важно для начинающего актера, когда его любит зритель, внимательно, бережно следит за его первыми шагами режиссер. Это открывает, вселяет веру в себя, в свои возможности. Но, с другой стороны, появляется опасность подхватить «инфекцию» славы, успеха. И это касается не только одного меня. Помню, одно время в Театре имени Станиславского, где я работал, скопилось много молодых кинознаменитостей. Что творилось в зале! Выходит кто-то из нас на сцену и ослепительно улыбается. Узнав героя любимого фильма, зритель рукоплещет. А в это время другой актер, ревниво наблюдая из-за кулис, тоже готовит себе «выход», не менее эффектный.

Эта болезнь, особенно в пору творческой юности, опасна тем, что у актера притупляется вкус к поискам, эксперименту. Аплодисменты он привыкает счи-

Евгений ЛЕОНОВ:

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

тать своего рода пожизненной персональной пенсией. Проверив себя на зрителе, он успокаивается, излишне эксплуатирует свои природные данные, начинает повторяться. Вроде бы играет в разных спектаклях, в разных фильмах, в разных одеждах и париках — и в то же время везде одинаков.

После Лариски в спектакле «Дни Турбиных» М. Булгакова, Федора, деревенского паренька из пьесы Ю. Принцева «На улице Счастливой», я стал играть много и часто. Мне поручались роли и советского, и зарубежного репертуара, меня приглашали сниматься в кино. «Дело Румянцевых», «Дорога», «Полосатый рейс»... Что-то получалось, что-то не получалось. Те, кто видел меня в «Полосатом рейсе» в роли повара Шулейкина, может быть, и смеялись, глядя на экран. Роль была целиком построена на комизме ситуации — характерный пример того, как актер обыгрывает свои внешние данные. Был ли я недоволен своим Шулейкиным? Нет, этого я сказать не могу. Но в то же время не могу уж так смело записать эту роль в свой творческий актив. Это, так сказать, эпизод в биографии, определенное звено в жизни актера. Выключить его — разорвется вся цепь. И в то же время...

— ...у вас было чувство, что вы где-то повторяетесь?

— Да. После того, как я снялся в нескольких фильмах, сыграл в ряде спектаклей, я стал понимать, что смешным быть гораздо легче, чем понятным, что развеселить, «расхохотать» зрителя куда проще, чем заставить его задуматься. Я почувствовал, что из фильма в фильм, из спектакля в спектакль несу зрителю одни и те же черты характера. А повторение в нашем ремесле отнюдь не мать учения, а злая мачеха искусства. Я стал замечать, что обрастаю штампами, как корабль ракушками. Роли, решенные в одном ключе, уже не могли удовлетворить ни меня, ни зрителя. Критики заговорили о том, что Леонов стал однообразен, не растет. С одной стороны, я мог успокоить себя оговоркой: театр, мол, дело коллективное, и отказываться от ролей, особенно молодому актеру, нельзя. А с другой стороны, понимал, что повторяю, иногда даже неосознанно, те приемы, которые пользовались успехом в моей прошлой роли. Переступить через себя было совсем не просто.

Каждое утро, бреясь, я всматривался в зеркало, пытаюсь разглядеть в нем самого себя, более глубоко,

кого, что ли, значительного. А на меня смотрел такой кроткий, добродушный человек, который просил о помощи и растерянно моргал. Чем я мог ему помочь? Неужели, думал, навсегда останусь для зрителя таким простачком-увальнем, способным лишь потешать? Надо было искать новые пути, попытаться открыть в своем актерском амплуа иные грани, иные оттенки, докапываться до сути изображаемого характера, до его первоосновы. Выразить в нем самого себя и свое отношение к миру.

Позволю себе одну параллель. Вы видели, как буксует машина? На последнем пределе ревет мотор, бешено вращаются колеса, пытаюсь выскочить из колеи-ловушки. Вот, кажется, они минуют опасное место, еще немного, еще... но колеса снова проваливаются в колею. Так было и у меня. Роли, в которых чувствуешь себя легко, удобно, привычно, — «выскочить» из них не так-то просто. Об этих мытарствах всегда вспоминаю с удовольствием. Прекрасная это пора, когда вызревающие в тебе новые силы все время заставляют мучиться, искать, разочаровываться, бросать все к черту и снова искать. Наверное, такое состояние души необходимо каждому.

— Долгое время все считали, что вы актер сугубо комедийный. И всегда ждали, что вы будете совершенствоваться именно в этом плане. Образ Якова Шибалки в фильме «Донская повесть» опроверг привычное мнение. Как вы расцениваете эту роль?

— Прежде всего я никого не хотел «опровергать», в том числе и критиков. Я актер комедийный и продолжаю им оставаться до сих пор. И образ Якова Шибалка рассматриваю как продолжение этой комедийности, только окрашенной в иные, трагические тона. Когда режиссер Владимир Фетин предложил мне сниматься в «Донской повести», я вначале решил, что он разыгрывает меня. К тому же весь художественный совет «Ленфильма» был против, я — против, потому что верил не столько в свои силы, сколько в свои штампы. Но Фетин упрямо стоял на своем. Он поверил в меня, в иные мои возможности, растревожил душу. За это ему спасибо. Думаю, что в образах, подобных Шибалке, я «жил» и раньше. Просто не было такой возможности, чтобы это проявилось столь явно.

— Видимо, эта роль повлияла и на ваши последу-

ющие работы! Вы стали глубже докапываться до внутренней сути своих героев, не удовлетворяясь одной лишь внешней характерностью.

— Пожалуй, что так. Стараюсь держать себя в узде, не сорваться на комикование, уйти от соблазна лишней раз рассмешить зрителя. Постоянный жесткий самоконтроль; главное — под маской смешного человека поведать о своем понимании жизни, своего героя. Максимально сблизиться с человеком, которого играешь, скрупулезно изучить все тайные пружины его поступков, логику его характера, мысленно представить всю его прожитую жизнь — вот суть требований к актеру. О своем герое надо знать больше, чем написано сценаристом. Это независимо от того, что перед тобой — главная роль или эпизодическая. По-моему, и на трехминутном «пятачке» можно добиться точности и выразительности образа. И психологическая нагрузка здесь будет ничуть не меньше, чем в заглавной роли.

Большое удовольствие доставила мне, например, небольшая роль жандармского полковника в фильме «Первый курьер». Это хитрый, бессердечный, умный враг. И в то же время чем-то любопытный, с «человечинкой»: не все умерло в его душе. Может быть, когда-то в юности он увлекался какими-либо либеральными идеями — я допускаю даже такую мысль. Но жизнь раздавила его, ожесточила душу, вытрянула все светлое. Нет, он не стал отъявленным мерзавцем, для этого он слишком умен. И хотя полковник открыто не издевается над людьми — тактически перепоручает это другим, — он не становится лучше. Роль в «Первом курьере» была для меня трудной, и прежде всего потому, что текста в ней немногим больше страницы, а «психологической нагрузки» хватит на добрую повесть.

— Евгений Павлович, несколько слов о ваших новых работах в кино.

— За последнее время я снялся в фильме «Гори, гори, моя звезда». Играть иллюзионщика. В фильме «Чайковский» — слугу композитора, Алешу. Вот, пожалуй, и все. Есть, правда, еще несколько заманчивых предложений, но говорить о них считаю преждевременным: трудно сочетать работу в театре и съемки в кино...

Беседу вел О. ЛАРИН.